

Павильон Мэнью утопал в пышной зелени, его окружали извилистые ручьи, а с причудливых камней низвергались крошечные звонкие водопады. Хотя на дворе стояла глубокая осень, здесь цветы цвели круглый год. Даже лотосы, которые давно должны были превратиться в сухие стебли, покачивались на ветру, радуя глаз нежными бело-розовыми лепестками. Всё потому, что вода в пруду оставалась теплой и приятной в любое время года, а рыбки, не ведая холодов, беззаботно резвились в глубине.

Хотя вся Горная усадьба Справедливости была построена на горячих источниках, лишь в Павильоне Мэнью, принадлежащем любимой дочери главы союза, госпоже Мин Мэн, удалось возвести пруды и террасы прямо над ключами. Во всей усадьбе, помимо этого места, лишь во дворе покойной госпожи Мэнчжу, бывшей хозяйки поместья, был пруд, питаемый горячим источником. Госпожа Мэнчжу с юности обожала лотосы, и глава Мин ради любимой супруги не жалел никаких сил. Павильон Мэнью был построен еще при основании усадьбы — специально для будущих детей. Неудивительно, что в народе до сих пор слагали легенды о глубокой и преданной любви главы союза.

Однако никто из этих людей не знал, что прямо под прудом с лотосами, в покоях госпожи Мэнчжу, скрывалась тайная темница Мин Батяня на дне озера.

В темнице Лоу Цинкун убрал Жемчужину очищения от ядов и перевел взгляд на угол стены, где непрерывно капала вода. Там, где капли падали на камень, образовалась выбоина размером с кулак, наполненная прозрачной водой. Сквозь слой серо-черной каменной пыли, скопившейся за долгое время запустения, проступал бледно-желтый оттенок — это была сера.

В Павильоне Мэнью Мин Мэн была облачена в ярко-красный халат, под которым виднелось белоснежное платье. Тонкую талию украшал нефритовый пояс, а волосы были уложены в изящную прическу, почти как у юной девушки. Она сменила роскошные шпильки на скромные цветы, и хотя ее красивое личико по-прежнему выражало холод и строгость, в этой позе появилось нечто от капризной девичьей натуры.

Сидящий рядом Лао Байвэй, очевидно, не обращал внимания на ее наряд. Он равнодушно смотрел на пруд с лотосами, время от времени поворачиваясь к ней с мягкой улыбкой, в которой, однако, не было ни капли тепла. Он то и дело касался рукой рукава, где лежала бухгалтерская книга, вчера украденная им из покоев госпожи Мэнчжу под прикрытием Мин Мэн.

— И что же нам теперь делать? Отец объявил Лоу Цинкуна предателем праведного пути и бросил в темницу. А то сокровище... оно правда существует? — Мин Мэн была немного раздосадована холодностью Лао Байвэя, но, встретившись с его нежным взглядом, подавила тревогу в сердце.

Ранее Лао Байвэй, предложив встретиться, выдумал историю о том, что узнал о сокровищах династии Чжао, спрятанных у Лоу Цинкуна. Якобы он хотел добыть их, чтобы преподнести главе союза в качестве свадебного дара, так как боялся, что его собственного происхождения недостаточно для брака с Мин Мэн. Он не связывался с ней, опасаясь, что погоня Лоу Цинкуна разрушит все планы. К несчастью, тогда он просчитался: Лоу Цинкун, падая со скалы, утянул

его за собой.

Лао Байвэй, сдерживая чувства, рассказывал, как с трудом вернулся, лишь чтобы обнаружить, что его возлюбленная уже вышла замуж. Теперь, охваченный отчаянием, он готов был смириться и пожелать ей счастья, но не мог простить Лоу Цинкуна. Так возник план с нападением Демонической секты, в результате которого Лоу Цинкуна удалось выставить предателем.

Мин Мэн ничего не ответила, но в душе ее охватило глубокое волнение. Она чувствовала вину перед Байвэем и решила, что даже если придется бросить мужа и ребенка, она вернется в объятия любимого. Но из-за своей гордости она пока не решалась сказать об этом прямо, ожидая момента, когда чувства станут совсем невыносимыми. Если бы Лао Байвэй узнал о ее мыслях, он бы пришел в ужас и, забившись в глубины своего сознания, выпихнул бы наружу истинного, слабохарактерного владельца тела.

Лао Байвэй напряженно размышлял, рассеянно поглядывая на ворота павильона. Когда появился личный телохранитель Мин Батяня, он наконец выдохнул с облегчением.

Мин Батянь, считая, что дело почти сделано, а враг заперт в клетке, перестал церемониться и прямо спросил о местонахождении нефритовой подвески. Лао Байвэй, подавляя дрожь, поклонился и сдержанно улыбнулся:

— Глава союза, я знаю о ваших великих амбициях, но известно ли вам, где именно спрятаны эти сокровища?

Этот вопрос на мгновение отрезвил Мин Батяня, чья голова была затуманена предвкушением богатства. Он привык думать, что ключ — это всё, что нужно, и лишь сейчас осознал: черт возьми, он даже не знает, где находится дверь!

Лао Байвэй подозревал, что карта сокровищ должна быть у Лоу Цинъюй. В конце концов, она была дочерью принцессы династии Чжао. Раз принцесса отдала ключ Лоу Цинкуну, велика вероятность, что карту она передала сестре. Однако Лао Байвэй не собирался так просто отдавать карту. Его цели не противоречили целям Мин Батяня: ему нужны были способности Лоу Цинкуна и его Наставник, а Мин Батяню — власть над миром.

После переговоров Мин Батянь отправился на поиски карты, а Лао Байвэй получил право распоряжаться судьбой Лоу Цинкуна в темнице в обмен на нефритовый ключ. Мин Батянь решил, что получив сокровища, он избавится от Лао Байвэя, ведь ему нужен весь мир, а мир включает в себя и цзянху.

Тем временем Лао Байвэй пустил слух о сокровищах по всем чайным и трактирам. Люди шептались об этом на каждом углу, а когда кто-то пытался выяснить источник, сплетники бесследно исчезали. В сердцах людей, даже если они внешне выражали пренебрежение, поселилось сомнение. Династия Чжао была великой, а новый император Великой Янь — жестоким и решительным; неудивительно, что сокровищница могла существовать!

Даже император, обеспокоенный пустой казной, отправил тайных агентов на поиски, а его любимая принцесса Синьлань воспользовалась случаем, чтобы сбежать из дворца и отправиться странствовать.

Когда Мин Батянь узнал, что его тщательно оберегаемый секрет стал достоянием каждой торговки на рынке, он едва не лишился чувств от ярости. К счастью, годы игры на две стороны закалили его нервы. Он не сразу заподозрил Лао Байвэя, ведь тому это было невыгодно, но через несколько дней в цзянху, словно после взрыва, распространились слухи о связи Мин Батяня с Демонической сектой Святого Света. Источником стал Павильон Небесных Тайн — торговец информацией, чье влияние было безгранично.

Печально, но в этих слухах упоминалось, что Мин Батянь и глава Демонической секты — одно и то же лицо.

Мин Батянь, скрываясь в тени и творя зло, чувствовал, как весь мир ополчился против него. Он пытался отвлечь внимание, устраивая инсценировки, где Демоническая секта грабила, а Горная усадьба Справедливости героически спасала, но эти приемы больше не работали. В отчаянии он решил запустить новую «постановку» — слухи о том, что сокровища найдены в том или ином месте. Цзянху превратилось в кипящий котел.

Лао Байвэй, дождавшись ухода Мин Батяня, лично завершил организацию слухов, а в Павильон Небесных Тайн подбросил бухгалтерские книги. В ту темную ночь он без труда пробрался в Наньчэн, где не было охраны, и передал документы.

Выполнив задуманное, Лао Байвэй вернулся в усадьбу, снова используя Мин Мэн как пропуск, и спустился в темницу на дне озера.

Лоу Цинкун тем временем, вспомнив слова Наставника о том, что сера в сочетании с определенным катализатором способна разъедать металл, воспользовался своими запасами целебных пилюль. С шипением цепи на дверях камеры поддались.

В коридоре было сыро, стены покрывал мох, а с потолка сочилась вода. Лоу Цинкун, едва выбравшись, замер. Коридор был длинным и темным. Он не спешил бежать: он знал, что не справится с Мин Батянем, и боялся столкнуться с ним лицом к лицу. Он ждал ночи, когда его силы немного восстановятся.

Внезапно он замер, прислушиваясь. Из глубины коридора донеслись лязг цепей и тяжелый кашель. Лоу Цинкун помедлил, но, не в силах оставить человека, запертого Мин Батянем, в беде, он решительно направился вглубь темницы.